ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ:

оптика экономики*

Мария Сушенцова, Василий Аникин

АННОТАЦИЯ Работа посвящена генезису концепции человеческого потенциала в экономической науке. Показано, как современная экономика пришла к понятию человеческого потенциала и родственному ему понятию человеческого развития в современной трактовке. Рассмотрено, как благодаря работам нобелевского лауреата Амартия Сена экономика перешла от теории полезности к теории возможностей человека. Понимание человеческого потенциала в контексте возможностей долгое время оставалось доминирующим и сегодня считается классическим.Однако начиная с середины 2000-х гг. благодаря работам другого нобелевского лауреата Джеймса Хекмана человеческий потенциал начали связывать с развитием «внутренних способностей» человека, с активизацией деятельностных аспектов его личности, агентности и самостоятельности. В данной работе также проводятся различия между такими важными для экономики понятиями, как благополучие, счастье, возможности и способности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Человеческий потенциал, личность, экономика, благополучие, агентность.

DOI 10.22394/2078–838X-2023–2-32-44

Мария Сергеевна СУШЕНЦОВА

к. э. н., старший преподаватель, Факультет экономических наук, Департамент теоретической экономики, НИУ ВШЭ, 109028, РФ, Москва, АУК «Покровский бульвар», Покровский бульвар, 11.
Researcher ID: M-1373-2015, ORCID ID: 0000-0003-0463-9859.
E-mail: msushentsova@hse.ru

Василий Александрович АНИКИН

к. э. н., старший научный сотрудник, Институт социальной политики, Центр стратификационных исследований. Доцент, Факультет социальных наук, Департамент социологии, НИУ ВШЭ, 109074, РФ, Москва, Славянская пл., 4, стр. 2.
Researcher ID: G-7070-2015, ORCID ID: 0000-0002-2316-4628.
E-mail: vanikin@hse.ru

Концепция человеческого потенциала является сложной многослойной и многогранной конструкцией. Несмотря на то, что сегодня разработка этого понятия является важной теоретической задачей, которая должна решаться силами разных наук в междисциплинарном поле, концепция человеческого потенциала родилась в недрах экономической науки и в основе своей была разработана именно экономистами.

Можно сказать без преувеличения, что современная наука обязана концепции человеческого потенциала и появлению родственного ей понятия человеческого развития главным образом экономической дисциплине. Поэтому так важно рассмотреть, как экономическая наука пришла к понятиям человеческого потенциала и человеческого развития. Ключом к пониманию этого генезиса служит анализ

* Глава из книги «Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований», ВШЭ, издательство ВЦИОМ.

того, как менялся подход экономической науки к человеку.

В экономической науке едва ли можно выделить специальный раздел, занимающийся проблемами человека. Развитие экономического знания шло по пути обнаружения и формулировки объективных законов, которые бы не зависели от воли и представлений людей, то есть по пути естественных наук. Модель механики Ньютона в XVI–XVII веках стала образцом для всех зарождающихся наук об обществе, но именно экономическая наука восприняла ее наиболее фундаментально. Представление об обществе как совокупности атомов, взаимодействующих сообразно их свойствам и определенным законам, в дальнейшем открыло возможности для масштабной формализации и математизации экономической науки, и прежде всего ее ядра – экономической теории. С конца XIX века из традиционного формата экономической науки – политической экономии, представляющей собой сплав теории и политики, – выделяется как отдельная дисциплина экономическая теория, занимающаяся моделированием основных экономических законов и закономерностей – «Economics» [Маршалл, 1993]. Вопросы, связанные с критериями общественной оценки экономики и политическими рекомендациями, стали рассматриваться обособленно в рамках только формирующейся в первой трети XX века нормативной экономической теории, граничащей с искусством экономической политики (Дж. Н. Кейнс).

ВАЖНО РАССМОТРЕТЬ, КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА ПРИШЛА К ПОНЯТИЯМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ. КЛЮЧОМ К ПОНИМАНИЮ ЭТОГО ГЕНЕЗИСА СЛУЖИТ АНАЛИЗ ТОГО, КАК МЕНЯЛСЯ ПОДХОД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ К ЧЕЛОВЕКУ

Чтобы «разглядеть» человека за экономическими моделями, необходима аналитическая реконструкция тех представлений, которые экономисты вкладывают в свои гипотезы относительно поведения экономических агентов. В качестве таковой была предложена рабочая модель человека, которая структурирует представления о поведении с помощью трех основных параметров [Автономов, 2020]:

1) цели или мотивы;
2) когнитивные способности;
3) информационные ограничения.

Первый параметр модели человека характеризует содержание целевой функции экономического агента, второй и третий параметры – средства для ее реализации. Именно характеристика «средств» в строгом смысле образует понятие экономической рациональности – того, насколько агент умственно и технически «оснащен» для оптимального достижения заданной цели (в форме ее максимизации). Примечательно, что на современном этапе экономическая теория развивалась по пути смягчения нереалистичных представлений об аналитических способностях и информационной обеспеченности агента (достаточно вспомнить о теориях несовершенной информации Неймана и Моргенштерна, затем Акерлофа, а также ограниченной рациональности Саймона, затем Канемана и Тверски). При этом содержание целей и стоящих за ними ценностей все больше оставалось в тени, допуская вариативность и произвольность неявных представлений экономистов в рамках расплывчатой формулировки максимизации «чего угодно».

На наш взгляд, для формулировки человеческого потенциала с точки зрения экономической науки необходимо задействовать сразу два ее среза. С одной стороны, выявить и структурировать представления о целях экономического агента в рамках экономической теории. С другой стороны, проанализировать изменения в критериях общественной оценки и экономической политики в рамках нормативной экономической теории, которые напрямую связаны с целевой функцией агентов – а именно

с тем, что считать конечным благом. Изменения в понимании этих критериев нашли отражение и в разработке статистических показателей, которые используются для общей оценки экономического положения стран. Временной интервал охвата рассматриваемых нами концепций – с конца XIX века по начало XXI века.

Традиционная трактовка человеческого потенциала

Среди целей экономических агентов, которые явно или неявно постулируются экономистами, можно выделить три основных: благополучие, счастье и возможности.

Благополучие

Благополучие подразумевает материальную трактовку благосостояния – доходы или ресурсы, к которым стремится экономический агент. Это наиболее традиционная формулировка экономических целей как на уровне индивида, так и на уровне общества. Она до сих пор принимается за основную в рассуждениях об экономике за пределами академического сообщества экономистов. Такая трактовка восходит к Дж. С. Миллю[1]. Он стремился оформить методологический статус экономической науки наряду с другими социальными науками, предложив сузить анализ многообразного человеческого поведения до вычленения одного доминирующего мотива, который будет условно приниматься за единственный. Это мотив приобретения богатства [Милль, 2007]. Это направление было подхвачено родоначальниками неоклассического направления экономической мысли – А. Маршаллом, А. С. Пигу, Ф. Эджуортом и стало впоследствии основным. Маршалл считал, что экономисты не могут напрямую оценивать мотивы индивидуальных действий, поэтому им доступен лишь косвенный измеритель их побудительной силы – деньги [Маршалл, 1993; Божар, 2016]. Готовность платить за то или иное благо, таким образом, стала основным показателем интенсивности желания или полезности блага для индивида, прочно войдя в обиход экономистов. Основным преимуществом такого подхода является кардинализм – исчислимость индивидуальных целей (полезностей) и возможность их межличностного сравнения и агрегирования.

Это нашло отражение и в зарождающейся на рубеже XIX–XX веков нормативной экономической теории – «первой экономике благосостояния», которая утверждала, что социальная оценка основана на максимуме общей суммы благосостояния. Традиция А. Пигу закрепила представление о том, что экономисты должны изучать рост благосостояния как рост совокупного производства, а выбор схемы распределения задается извне: экономическая теория может только выбрать лучший способ осуществления схемы распределения [Калдор, 2012, с. 268]. Таким образом, был взят курс на исключительную важность достижения эффективности, а главным средством оценки социальных явлений был признан метод затрат и выгод. Проблема этого метода в том, что в действительности невозможно отделить проблему эффективности как роста общего пирога – от проблемы распределения, которая вызывает к жизни вопросы справедливости. В частности, измерение благосостояния «готовностью платить» предполагает, что предпочтения богатых более значимы, чем бедных[2], таким образом, вопросы равенства и справедливости игнорируются изначально [Хаусман, Макферсон, 2012, с. 297–298; Франк, 2012, с. 306]. Подход, ориентированный на ресурсы, на наш взгляд, в наименьшей степени стыкуется с формулировкой человеческого потенциала, поскольку оставляет за скобками нематериальные достижения и ограничивает доступ к благам и деятельности в зависимости от доходов.

1 Милль в отношении этики был последователем И. Бентама и считал, что конечной целью человеческого существования является увеличение счастья [Милль, 2013]. Однако, будучи экономистом, он предложил считать основным экономическим мотивом более осязаемую субстанцию – богатство. Это не исключает внутреннего стремления индивида к счастью, которое может быть связано с получением богатства, но как самоцель уходит на второй план [Милль, 2007].

2 Хаусман и Макферсон приводят известный пример меморандума Л. Саммерса, разосланного сотрудникам Всемирного банка. В нем говорится о целесообразности гипотетического переноса загрязняющих отраслей из развитых стран в развивающиеся на том основании, что упущенные доходы от высокой смертности людей будут ниже в последних, чем в первых (в силу более низкой оплаты труда), следовательно, общая сумма благосостояния возрастет [Хаусман, Макферсон, 2012, с. 270–271].

Счастье

Родоначальником этической концепции, провозглашающей счастье единственной и конечной целью человеческого существования, является И. Бентам (вторая половина XIX века). По его мнению, содержанием счастья является стремление к удовольствию и избегание страдания. Тем не менее, Бентам приписывал такому сугубо гедонистическому мотиву ряд объективных черт. Во-первых, все удовольствия могут быть количественно

МЫ НАБЛЮДАЕМ КАК МИНИМУМ ДВЕ ГРУППЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ИНДИВИДОВ, КОТОРЫЕ ТРАДИЦИОННО ИГНОРИРОВАЛИСЬ БОЛЬШИНСТВОМ ЭКОНОМИСТОВ: НЕОБХОДИМОСТЬ НОВИЗНЫ ВОСПРИЯТИЯ, КОТОРАЯ СВЯЗАНА С ТВОРЧЕСКИМ ХАРАКТЕРОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЦЕЛОМ, И ВНУТРЕННЕ ПРИСУЩАЯ ЧЕЛОВЕКУ СОЦИАЛЬНОСТЬ

измерены как внутри индивида, так и между индивидами. Во-вторых, поскольку высшим удовольствием Бентам признавал удовольствие благосклонности к другим людям, в его системе предполагалась правопорядочность на индивидуальном уровне [Сушенцова, 2017]. Таким образом, исключена ситуация нарушения закона ради собственной выгоды, так как это не увеличивает индивидуального удовольствия. Из постулата о единственной цели счастья Бентам выводит более общий принцип полезности – как то, что способствует максимальному счастью максимального числа людей [Бентам, 1998]. Экономисты восприняли из утилитаризма именно принцип полезности как стремление к счастью (совокупности удовольствий).

Однако в дальнейшем развитии экономической мысли наметились две разнонаправленные тенденции – переход от гедонизма к субъективной порядковой полезности (конец XIX – первые две трети XX века) и, напротив, возвращение к гедонизму и психологизация индивидуального выбора (последняя треть XX – начало XXI века).

Доминирующим направлением развития полезности в экономической теории стала ее дальнейшая субъективизация, поскольку наблюдаемость и сравнимость полезностей вызывали сомнения с точки зрения объективного научного анализа. У. Джевонс, одна из ключевых фигур маржиналистской революции, считал полезность ментальным понятием, которое может выражать лишь отношение человека к объекту его желания, но не является его собственной независимой характеристикой. Поэтому единственной доступной мерой полезности является ранжирование интенсивности желания внутри индивида по степени, но не количественно. Этот подход был закреплен в методологическом каркасе мейнстрима экономической мысли Л. Роббинсом и Л. Мизесом в качестве принципа оценочного нейтралитета экономистов. В своем знаменитом эссе Роббинс утверждал, что экономисты изучают любую деятельность с точки зрения оптимизации средств по достижению заданной цели, содержание которой остается за рамками анализа [Сушенцова, 2017]. Однако, поскольку такая непроницаемая для внешнего наблюдателя полезность не позволяла перейти к социальным измерениям, в середине XX века П. Самуэльсоном была выдвинута концепция выявленных предпочтений, в рамках которой полезность как порядок предпочтений благ фиксируется по факту их выбора. Последним шагом на пути преодоления остатков утилитарной трактовки полезности стала теория ожидаемой полезности Л. Сэвиджа. Так, индивид оценивает полезность из заранее заданного набора исходов с учетом вероятности их наступления; вероятность выражает субъективную уверенность индивида в наступлении исхода и определяется через понятие предпочтения. Предполагается, что большая денежная сумма всегда предпочитается меньшей. Если индивид фактически предпочитает одну из двух

альтернатив с одинаковым денежным исходом, то он считает его наступление более вероятным [Moscati, 2016].

Так, в экономической теории прочно закрепилось представление о ведущем мотиве индивида как удовлетворении предпочтений, которые, с одной стороны, соответствуют аксиомам логической непротиворечивости, с другой, направлены к увеличению субъективного представления о благосостоянии. При этом содержание благосостояния является для внешнего наблюдателя «черным ящиком», оно имеет смысл только для отдельного индивида [Сушенцова, 2017]. Тем самым подход предпочтений по сути сомкнулся с подходом ресурсов, но потребовал более узкой информационной базы для внешней социальной оценки в условиях невозможности сравнить субъективные полезности разных индивидов напрямую. Единственным доступным инструментом для этой «новой экономики благосостояния», опирающейся на запрет межличностных сравнений, стал критерий оптимальности В. Парето. Согласно ему, увеличение общественного благосостояния выражается в увеличении полезности одного из участников при по крайней мере не снижении полезности другого. Однако опора в социальной оценке на индивидуальные предпочтения является проблематичной в двух аспектах. Во-первых, предпочтения одних людей могут вступать в прямое противоречие с предпочтениями других и напоминать «игру с нулевой суммой» (так называемый парадокс А. Сена о невозможности паретианского либерализма) [Хаусман, Макферсон, 2012, с. 289]. Во-вторых, критерий Парето консервирует статус-кво в распределении ресурсов [Хаусман, Макферсон, 2011, с. 172–174]. Поэтому, например, невозможен сценарий выравнивания положения бедных и богатых за счет перераспределения доходов, а улучшение положения богатых на одну и ту же величину, что и бедных, эквивалентно (согласно теории), хотя в действительности это не так.

Переломным моментом в критической оценке экономики благосостояния, основанной на полезности, стало появление «теоремы невозможности» К. Эрроу, которая спровоцировала поиск более широкой информационной основы для социальной оценки и возрождение теории общественного выбора [Божар, 2016; Сен, 2016]. Теорема представляет собой формальное доказательство невозможности принятия коллективных решений на основе одних лишь данных об индивидуальной полезности. В рамках запрета на межличностные сравнения не остается никакого механизма коллективного решения, кроме голосования, которое само по себе противоречиво и ограниченно (парадокс Кондорсе). На основе индивидуальной полезности остается только вариант единоличного решения диктатора с его доминирующими предпочтениями [Сен, 2016]. Это актуализировало поиск более устойчивых критериев, чем индивидуальные предпочтения.

В качестве альтернативных критериев для оценки благосостояния общества и индивидов были предложены два разных пути. Первый – возвращение к счастью и разработка его объективных измерений (эксперименты и опросы). Второй путь – переход к критерию возможностей выбора и осуществления того образа жизни и достижений, которые значимы для индивида и которые при этом могут быть зафиксированы вне его полезности.

Сомнения в том, что индивидуальные предпочтения (субъективная порядковая полезность) служат адекватным описанием экономического поведения и надежным подспорьем политики, привели к новому витку разработки идеи о гедонизме как ключевой человеческой мотивации. На уровне микроэкономики Д. Канеман и А. Тверски экспериментальным путем доказали, что предпочтения агентов в действительности переменчивы и зависимы от контекста – определяются так называемыми «эффектами оформления», а значит, не отвечают аксиомам согласованности предпочтений, выдвинутым Сэвиджем [Сущенцова, 2017]. Объяснением отклонений от рациональности является внутреннее стремление индивида к экономии усилий и увеличению удовольствия, то есть «гедонистический опыт» [Канеман, Тверски, 2003]. Таким образом, поведенческие экономисты предлагают вернуться к счастью как к фундаментальной цели, а значит и нормативному критерию в оценке индивидуальных действий. Наряду с этим на макроуровне зазвучали голоса о важности измерения

(наряду с доходом) степени удовлетворенности индивидов жизнью. Появление знаковых монографий Т. Скитовски «Безрадостная экономика» [1976], Р. Истерлина «Приведет ли увеличение всеобщего дохода к росту всеобщего счастья?», Р. Лэйарда «Счастье. Уроки новой науки» [2012 – русский перевод] ознаменовало появление нового направления на стыке теории и статистики – «экономики счастья». Основной парадокс, который стал лейтмотивом этого направления мысли, сводится к тому, что рост ВВП на душу населения в развитых странах не приводит к увеличению счастья. Этот парадокс доказывает, что экономисты были не правы, отождествляя счастье (или полезность) с покупательной способностью. Счастье понимается данными исследователями как субъективная оценка своего состояния по отношению к заданной числовой шкале (например, в процентах). Объективной научной основой таких измерений является установленная активизация определенных зон мозга в ответ на позитивные и негативные раздражители[3] [Лэйард, 2012, с. 24–25]. Объяснением парадокса являются две психологических особенности человеческого восприятия: привыкание и сравнение себя с другими. Именно эти два свойства психики нивелируют потенциальный эффект от роста материального благополучия.

Это приводит к заключению о том, что для поддержания и роста уровня счастья требуется постоянный источник новизны – то, к чему невозможно до конца адаптироваться. Р. Лэйард эмпирически установил 7 факторов, влияющих на уровень счастья (в порядке убывания): 1) семейные отношения, 2) работа (вклад в общество и личный смысл), 3) общество и друзья, 4) финансовая ситуация, 5) здоровье, 6) личная свобода, 7) личные ценности [Лэйард, 2012, с. 95–96]. Большинство из них связано с качеством социальных отношений, что выводит социальную природу человека в противовес индивидуалистической трактовке целей, ориентированных на личные ресурсы или личную полезность, рассмотренные в предыдущих пунктах. Таким образом, мы выходим как минимум на две группы фундаментальных потребностей индивидов, которые традиционно игнорировались большинством экономистов: на необходимость новизны восприятия, связанную с творческим характером деятельности человека в целом, и на внутренне присущую человеку социальность. О первом аспекте писал еще Ф. Найт, подчеркивая, что ключевая характеристика деятельности человека состоит не в выборе средств для достижения поставленной цели (именно такая характеристика предмета экономистов закрепилась после Л. Роббинса), а в выборе самих целей и их изменении в течение жизни. Изменение интересов и поиск новых смыслов, таким образом, составляют суть человеческой жизни [Найт, 2009]. Второй аспект среди экономистов был затронут А. Витцтумом. Опираясь на изыскания современной нейронауки и палеоантропологии, он показал, что когнитивное развитие человека связано с увеличением масштаба группы [Witztum, 2019]. Следовательно, мотивация индивида связана не столько с поиском личной выгоды или удовольствия, сколько с потребностью реализации ценностей, разделяемых сообществом, с которым ассоциирует себя индивид.

Необходимость расширения объективных критериев развития человека и общества наряду с понятием счастья привела к формированию нового целевого параметра – так называемых «возможностей». Эта тенденция была вплотную связана с новым витком развития нормативной экономической теории – с появлением экономической теории справедливости.

Возможности

Первая концепция возможностей появилась в рамках философской дискуссии о критериях справедливости в политике и экономике и принадлежит Дж. Ролзу. Он предложил перенести внимание с оценки финального благосостояния на возможности его достижения. Он рассматривает эти возможности как «первичные блага», которые включают доходы, должностные возможности, основы социального самоуважения, а также личные свободы и основные гражданские права

3 Как показали исследования Р. Дэвидсона, левая лобная доля активизируется при положительных эмоциях, правая – при отрицательных [Лэйард, 2012, с. 24–25].

[Сен, 2016, с. 104]. По мнению Ролза, первичные блага представляют собой универсальные средства для реализации человеком его индивидуальных ценностей и целей, а успешность распоряжения ими – вопрос личной ответственности, а не общественной справедливости [Сен, 2004]. Однако такой подход вновь возвращал к ресурсной трактовке целей и впоследствии был подвергнут А. Сеном критике с точки зрения проблемы дефицита конверсии – невозможности конвертировать доход в реальные возможности. По мнению А. Сена, конверсия зависит от множества факторов, таких как возраст, здоровье, природная и социальная среда и прочее [Сушенцова, 2017]. **Таким образом, А. Сен предложил понимать этот критерий именно в смысле реальной возможности человека свободно выбирать ценные для него виды деятельности – «виды функционирования» или «функции»**[4] [Сен, 2016, с. 305–306; Сен, 2004, с. 93].

СРЕДИ РАССМОТРЕННЫХ ВАРИАНТОВ ЦЕЛЕЙ И КРИТЕРИЕВ СОЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ К ЯДРУ ПОНЯТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОТНОСИТСЯ ИМЕННО ПОНЯТИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

По сравнению с критерием ресурсов критерий счастья значительно расширил содержание целей индивида и важность его общего состояния, лишь отчасти связанного с благополучием. По мнению Сена, счастье действительно является важным показателем успеха в достижении любых значимых для человека целей. Однако критерий счастья нельзя считать единственным самоочевидным благом[5]. Стремление считать индивидуальные чувства единственным значимым критерием было связано с неприятием любого патернализма – внешней навязанной оценки. Тем не менее отказ от любых внешних измерителей, кроме счастья, не исключает проблемы депривации – адаптации психики к неблагоприятным условиям жизни или угнетению свободы и их компенсации маленькими радостями. Смирение с безнадежными обстоятельствами помогает многим людям чувствовать себя сносно и тем самым искажает их объективность в оценке собственного счастья. По этой причине Сен считает необходимым формулировку более общего критерия возможностей, который позволял бы наряду с субъективными ощущениями оценивать состояние человека извне. Он предлагает в качестве примера сферу здравоохранения, где крайне важно наряду с внутренним взглядом пациента на свое здоровье получать о нем внешнюю объективную информацию на основе медицинских исследований [Сен, 2016, с. 368].

Итак, по отношению к рассмотренным целевым установкам – ресурсам (благополучию) и счастью – А. Сен предлагает критерий возможностей, расширяющий спектр по двум измерениям:
1) переход от результатов деятельности к условиям и процессам;
2) рассмотрение не только достижений, но и свободы достигать чего-либо.

Тем самым подход возможностей Сена представляет четырехмерный взгляд на успешность человека, который можно представить в виде таблицы 1.

С помощью такой многомерности в измерении граней успеха личности А. Сен стремится показать, что цели человека и общества не обязаны совпадать с узкими рамками благополучия и могут довольно сильно от них отклоняться. По мере роста личных возможностей человек может переключаться с аспекта благополучия на аспект деятельности, связанной, например, с улучшением положения других людей. Тем не менее, с точки зрения государственной политики А. Сен считает более логичным фокус на обеспечении благополучия и свободе его достижения, поскольку это формирует минимально достойный образ жизни. Аспект деятельности – свобода

4 Термин «functionings» в русских изданиях переводился как «функции» [Сен, 2004, с. 93] или «виды функционирования» [Сен, 2016, с. 305–306] и трактуется Сеном как ценные для индивида «действия и состояния». Его также можно перевести как «виды ценностно-ориентированной деятельности».

5 В частности, в экономической мысли были представлены и другие самоочевидные блага, такие как равенство (Р. Дворкин) и свобода (Р. Нозик).

Таблица 1. Четырехмерный взгляд на успешность человека

	Благополучие	Цели деятельности
Достижение	Достижение благополучия	Достижение целей деятельности
Свобода	Свобода добиваться благополучия	Свобода деятельности

Источник: составлено авторами на основе: Сен [2016, с. 370].

выбора и реализации целей и ценностей – в большей степени может быть зоной личного выбора и ответственности, за исключением случаев психических отклонений.

По мнению А. Сена, в отличие от двух других целей – благополучия (ресурсов) и счастья, – которые фиксируют некое финальное состояние (выделено цветом в таблице 1), возможности – это сила, которая предполагает свободу ее использования индивидами, и поэтому она порождает ответственность. На наш взгляд, среди рассмотренных вариантов целей и критериев социальной оценки, признаваемых современными экономистами, к ядру понятия человеческого потенциала относится именно понятие возможностей. Оно обладает рядом преимуществ по сравнению с перечисленными выше, поскольку [Сен, 2016, с. 303–304]:

А) отражает потенциал развития, а не «план» устройства общества;

Б) дает объективную информационную базу для социальной оценки за счет возможности межличностных сравнений, в частности актуализирует проблему неравенства возможностей;

В) предполагает плюрализм целей деятельности – «видов функционирования», которые люди стремятся достичь.

Современная трактовка человеческого потенциала в экономической науке

Концепция возможностей А. Сена была развита Джеймсом Хекманом, что нашло отражение в появлении специального раздела экономической теории – экономики человеческого развития [Heckman, Corbin, 2016]. А. Сен трактует возможности (capabilities) как способности, которые воплощаются в доступном наборе видов деятельности, но не анализирует сам процесс их формирования. Дж. Хекман считает такой подход статичным и предлагает дополнить «внешние» способности А. Сена анализом «внутренних» способностей – навыков (skills), которые позволяют индивиду действовать в разных направлениях. Дж. Хекман исследует процесс формирования навыков и – на этой основе – способов их измерения. Кроме того, А. Сен, разрабатывая экономическую теорию справедливости, предполагает наличие объективных критериев – социальных предпочтений – в анализе приемлемых состояний и видов деятельности. Дж. Хекман же пытается уйти от нормативной компоненты в анализе и фокусируется на процессе становления самих предпочтений, показывая их тесную взаимосвязь с навыками. Взаимосвязь базовых понятий экономики человеческого развития можно представить в виде таблицы 2[6].

Таблица 2. Взаимосвязь базовых понятий экономики человеческого развития

	Определение	Воздействие на другой компонент
Навыки	Обеспечивают способность действовать в разных направлениях	Расширяют способности
Способности	Дают набор доступных вариантов действий	Создают потенциал действия
Предпочтения	Обеспечивают желание выбирать, мотивацию для приложения усилий	Определяют выбор действия

Источник: составлено авторами на основе: Heckman, Corbin [2016].

Экономика человеческого развития выросла из ранней литературы о человеческом капитале, которая фокусировалась на одномерной конструкции навыков – человеческом капитале, – который в одной из крайних интерпретаций приравнивался к когнитивным способностям. Был сделан фокус на монетизацию количества лет обучения и обучения

6 При этом нужно отметить взаимное воздействие навыков и предпочтений друг на друга. Хекман трактует предпочтения как ценные, значимые навыки. Например, альтруизм – это навык и при этом выражение общественно-ориентированных предпочтений [Боулз, 2017; Heckman, Corbin, 2016].

на работе для выгод рынка труда [Heckman, Corbin, 2016, p. 5–6]. В дальнейшем изучение человеческого капитала значительно эволюционировало и расширилось: различие между когнитивными (или интеллектуальными) навыками и некогнитивными (или социальными и психоэмоциональными) навыками стало ключевым для понимания того, что такое способность, как ее можно измерить и какие факторы определяют благополучие индивида во взрослой жизни.

Сегодня мир перешел к четвертой технологической волне, основанной на умном производстве, роботизации и массовой информатизации, требующей перехода от алгоритмических задач с иерархической моделью управления трудом к творческим задачам проектного типа в рамках сетевых форм взаимодействия и управления рабочими процессами. Согласно международным исследованиям, сегодня на первое место выходят некогнитивные навыки, которые формируются на ранних этапах развития личности. Это прежде всего блок социальных и психоэмоциональных навыков [Хекман, 2022], связанных со способностью действовать в условиях непрогнозируемой неопределенности, а также с «внутренними» характеристиками личности, отвечающими за «агентность» и самостоятельность человека: мотивацией, упорством, сотрудничеством с другими и коммуникативными компетенциями, социальной вовлеченностью, концентрацией внимания, самодисциплиной и самоконтролем. Вторым, не менее значимым, блоком некогнитивных навыков является физическое и ментальное здоровье, связанное с качеством питания и профилактических мер по поддержанию и контролю здоровья [Heckman, Corbin, 2016, p. 14]. В совокупности эти две группы навыков, наряду с когнитивными навыками, остаются главным фактором, объясняющим успехи учеников и достижения взрослых, а также объясняют наблюдаемые изменения в экономическом росте как на глобальном, так и на национальном уровне.

Итак, некогнитивные навыки формируются из двух источников – первоначальных «запасов» (генетических предрасположенностей) и семейных «инвестиций». **Под семейными инвестициями понимаются индивидуальная форма воспитания и обучения («строительные леса» – scaffolding), обеспечивающая доверие, эмоциональную поддержку, привязанность и наставничество.** Семейная среда играет ключевую роль как для здоровья, так и для «мягких навыков» (soft skills), которые в совокупности помогают лучше действовать в обществе и влияют на формирование когнитивных навыков. А последние, в свою очередь, также усиливают некогнитивные навыки (заботу о здоровье, мотивацию и лучшее восприятие награды) и социально-экономические результаты – например, повышение продуктивности и дохода, мобильности, снижение социальных издержек [Heckman, 2013].

Как показывают эмпирические исследования, период жизни до 18 лет определяет до 50 % неравенства в доходах [Heckman, Mosso, 2014]. Поэтому критически важным периодом для инвестирования в навыки являются ранние годы. Причем для формирования когнитивных навыков чувствительный период простирается до 10-летнего возраста, тогда как для «мягких навыков» он продолжается и в подростковом возрасте. При этом эффективность инвестиций в любые навыки зависит от состояния здоровья. Наиболее эффективной стратегией является смещение инвестиций в более ранний возраст детей, поскольку он обладает большей податливостью и пластичностью. Однако здесь возникает проблема статической взаимодополняемости: инвестиции в более способных и обеспеченных детей дают большие результаты. Тем не менее этот эффект компенсируется динамической взаимодополняемостью: вложения в навыки обладают мультипликационным эффектом для всего жизненного цикла отдельного индивида, а также между поколениями [Heckman, Mosso, 2014], поэтому чем раньше они осуществлены, тем масштабнее будет эффект не только для самого индивида, но для всего общества. Поэтому вложения в детей из малообеспеченных семей не только соответствуют критериям социальной справедливости (выравнивают дисбаланс стартовых возможностей), но и являются экономически целесообразными.

На этой основе Дж. Хекман представляет единый подход к политике, который устраняет традиционный компромисс между

Таблица 3. Взаимосвязь экономических целей и статистических показателей

Экономические понятия целей	Полезность (удовлетворение предпочтений)		Возможности
Содержание целей (конечные блага)	Счастье (ментальное состояние, удовольствие)	Благополучие (доходы, богатство, ресурсы)	Возможности реализации ценностно-ориентированных видов деятельности
Статистические показатели	МИС	ВВП на душу населения	ИЧР

Источник: составлено авторами.

эффективностью и справедливостью. То, что честно, то и эффективно (а именно – инвестиции в раннее развитие детей из малообеспеченных семей). Поскольку ранние вложения дают большую отдачу, чем более поздние, а семейная среда для маленьких детей – главный фактор воздействия на мягкие навыки и когнитивные компетенции, а также социальное поведение, то социальная политика должна быть направлена на усиление семей. Успешные семьи производят успешных детей, поэтому политика должна имитировать поведение успешной семьи. По мнению Дж. Хекмана, роль нецелевых денежных трансфертов в становлении детских навыков была явно переоценена в научной литературе [Heckman, Mosso, 2014], тогда как главным фактором будущей успешности человека и преодоления неравенства является даже не столько постоянный доход как таковой, а качество родительства, привязанности, последовательности и руководства.

Примечательно, что последовательный переход в экономическом анализе целей и критериев успешности индивидов от ресурсов к счастью, а затем к возможностям и навыкам нашел отражение и в изменении агрегатных статистических показателей, используемых для оценки развития и успешности стран. Во второй половине XX столетия на смену монополии ВВП в системе национальных счетов приходят более развернутые по содержанию интегральные индексы, отражающие ряд нематериальных параметров. Благодаря работам А. Сена середины 1970–1980-х годов [Sen, 1976; Sen, 1981] индексный подход в экономической науке стал широко использоваться при анализе экономического развития и бедности. Индексный подход в исследовании социально-экономических процессов лег в основу целого научного направления – измерения общественного выбора [Strøm, 1981]. То, что сейчас уже является своего рода нормой для эмпирических исследований, причем не только в рамках экономической дисциплины, еще в середине 1970-х казалось чем-то новаторским. Так, с 1990 года благодаря А. Сену был разработан Индекс человеческого развития (ИЧР – до 1993 года он назывался «Индекс развития человеческого потенциала»), с 2006 года – Международный индекс счастья (МИС). ИЧР включает в себя, помимо уровня жизни (ВВП на душу населения), учет уровня образования и продолжительности жизни. С 2010 года он был дополнен компонентой, измеряющей социально-экономическое неравенство внутри страны. МИС включает в себя субъективную удовлетворенность жизнью, а также ожидаемую продолжительность жизни и экологический след – степень давления населения страны на экологию.

Взаимосвязь экономических целей и статистических показателей отражена в таблице 3.

Выводы

В качестве заключения отметим, что развитие человеческого потенциала – это и есть предоставление гражданам равных возможностей в реализации ценной для них деятельности и достижений. Это может выражаться в предоставлении равного доступа к образованию, здравоохранению, культуре, а также выравнивании возможностей для реализации своих способностей в нерентабельных с точки зрения рынка отраслях – сфере культуры и науки, например[7].

7 Если, к примеру, гражданин считает важным и ценным заниматься музыкой (то есть для него это ключевой параметр качества его жизни), то должны существовать условия применения его способностей в соответствующей сфере с достойным уровнем жизни. Именно разнообразие возможностей обучения и последующего трудового применения индивидами себя является, на наш взгляд, реализацией принципов гармонично развитой личности. Если индивид считает важным выбрать помогающую профессию, например врача или учителя, должны существовать реальные возможности такой деятельности выше базового уровня существования.

Согласно последним исследованиям, обеспечение и выравнивание возможностей наиболее эффективно может быть реализовано в форме инвестиций в развитие некогнитивных навыков на раннем этапе (до 10-летнего возраста), поскольку они стимулируют когнитивные навыки и улучшают будущее общественное взаимодействие. Лучшей средой для становления некогнитивных навыков является семья, поскольку она обеспечивает персональную траекторию воспитания и обучения в условиях эмоциональной поддержки и наставничества. Следовательно, оптимальная социальная политика должна быть направлена на укрепление семьи множественными средствами – финансово, информационно, морально. Этот вывод согласуется и с эмпирическими исследованиями уровня счастья, главным фактором которого является качество семейных отношений.

Если переходить к определению человеческого потенциала, основанному на последних разработках в области экономики, то это прежде всего совокупность способностей человека, включающая некогнитивные (социальные и психоэмоциональные) и когнитивные навыки, которые дают возможность осуществления ценной для индивида деятельности и успешного взаимодействия с обществом. Оптимальным инструментом развития человеческого потенциала является укрепление института семьи, в частности использование инструментов целевых субсидий, финансирующих инвестиции малообеспеченных семей в раннее развитие способностей своих детей и возможностей в будущем, что в итоге сглаживает социально-экономическое неравенство и снижает риск социально неприемлемых действий.

Список источников | References

1. Автономов В. С. (2020). В поисках человека. Очерки по истории и методологии экономической науки. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
2. Avtonomov V. S. (2020). In search of a human. Essays on the history and methodology of economic science. Moscow: Gaydar Institute Publ. (In Russ.).
3. Бентам И. (1998). Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН.
4. Bentham J. (1998). An introduction to the principals of morals and legislation. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).
5. Божар А. (2016). История нормативной экономической теории. Экономическая теория благосостояния, теория общественного выбора и экономические теории справедливости. Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России: монография / Под общ. ред. А. Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, с. 388–443.
6. Baujard A. (2016). History of normative economics. Welfare economics, theory of social choice and economic theories of justice. Economics in its historical development: The view from France and Russia / ed. by Hudokormov A. G. Moscow: INFRA-M. Pp. 388–443. (In Russ.).
7. Боулз С. (2017). Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. М.: Изд-во Института Гайдара.
8. Bowles S. (2017). The moral Economy. Why Good Incentives Are Not Substitute for Good Citizens. Moscow: Gaydar Institute Publ. (In Russ.).
9. Калдор Н. (2012). Утверждения о благосостоянии в экономической науке и межличностные сравнения полезности. Философия экономики. Антология. / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара, с. 265–268.
10. Kaldor N. (2012). Statements about well-being in economics and interpersonal utility comparisons. The philosophy of economics. An anthology. Ed. By Hausman D. Moscow: Gaydar Institute, pp. 269–300. (In Russ.).
11. Канеман Д., Тверски А. (2003). Рациональный выбор, ценности и фреймы. Психологический журнал, 24(4), 31–42.
12. Kahneman D., Tverski A. (2003). Rational choice, values and frames. Psychological journal, 24(4), 31–42. (In Russ.).
13. Лэйард Р. (2012). Счастье: уроки новой науки. М.: Издательство Института Гайдара.
14. Layard R. (2012). Happiness: Lessons from a New Science. Moscow: Gaydar Institute Publ. (In Russ.).
15. Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки. М.: Прогресс. Т.1.
16. Marshall A. (1993). Principles of economics. Moscow: Progress. Vol.1. (In Russ.).
17. Милль Дж. С. (2013). Утилитаризм. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом.
18. Mill J. S. (2013). Utilitarianism. Rostov-on-don: Donskoy publ. house. (In Russ.).
19. Милль Дж. С. (2007). Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственном ей. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо. (Антология экономической мысли). С. 985–1023.
20. Mill J. S. (2007). On the definition of political economy; and on the method of investigation proper to it. Mill J. S. Principals of political economy with some of their applications to social philosophy. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
21. Милль Дж. С. (2007). Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо. (Антология экономической мысли), 83–984.
22. Mill J. S. (2007). Principals of political economy with some of their applications to social philosophy. Moscow: Eksmo. (In Russ.).

23. Найт Ф. (2009). Этика конкуренции. М.: ЭКОМ.
24. Knight F. (2009). Ethics of competition. Moscow: EKOM. (In Russ.).
25. Сен А. (2016). Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия».
26. Sen A. (2016). The idea of justice. Moscow: Gaydar Institute Publ.; Fund «Liberal Mission». (In Russ.).
27. Сен А. (2004). Развитие как свобода. М.: Новое издательство.
28. Sen A. (2004). Development as freedom. Moscow: The New Publishment. (In Russ.).
29. Сушенцова М.С. (2017a). Этическая дилемма нормативной экономической теории. Вопросы экономики, 3, 103–119.
30. Sushentsova M. S. (2017a). The moral dilemma of normative economics. Voprosy Ekonomiki. Vol. 3. Pp. 103–119. (In Russ.).
31. Сушенцова М. С. (2017b). Рациональность, мораль и экономическая координация: контуры взаимодействия. Journal of Institutional Studies, 9(2), 46–62.
32. Sushentsova M. S. (2017b). Rationality, morality and economic coordination: interaction outlines. Voprosy Ekonomiki. Vol. 3. Pp. 103–119. (In Russ.).
33. Сушенцова М. С. (2017c). Утилитаризм И. Бентама и Дж. С. Милля: от добродетели к рациональности. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика, 33(1), 17–35.
34. Sushentsova M. S. (2017c). Utilitarianism of J. Bentham and J. S. Mill: from virtue to rationality. Bulletin of St. Petersburg University. Series 5. Economy. Volume 33, issue 1. pp. 17–35. (In Russ.).
35. Франк Р. (2012). Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров? Философия экономики. Антология. / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара, с. 301–324.
36. Frank R. (2012). Why is cost-benefit analysis causing so much controversy? The philosophy of economics. An anthology. Ed. By Hausman D. Moscow: Gaydar Institute, pp. 301–324. (In Russ.).
37. Хаусман Д. М., Макферсон М. С. (2012). Философские основания магистрального направления нормативной экономики. Философия экономики. Антология / под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, с. 269–300.
38. Hausman D. M., McPherson M. S. (2012). Philosophical foundations of mainstream normative economics. The philosophy of economics. An anthology. Ed. By Hausman D. Moscow: Gaydar Institute, pp. 269–300. (In Russ.).
39. Хаусман Д. М., Макферсон М. С. (2011). Серьезное отношение к этике: экономическая теория и современная моральная философия. Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, с. 112–234.
40. Hausman D. M., McPherson M. S. (2011). Taking ethics seriously: economics and contemporary moral philosophy. Origins: sociocultural environment of economic activity and economic cognition / Ed. By Kuzminov Y. I., Avtonomov V. S., Ananyin O. I., National Research University «Higher School of Economics». Moscow: Publ. house of HSE. Pp. 112–234. (In Russ.).
41. Heckman J., Corbin C. (2016). Capabilities and Skills. NBER Working Paper No. 22339, Cambridge.
42. Heckman J., Mosso S. (2014). The Economics of Human Development and Social Mobility. NBER Working Paper No. 19925, Cambridge.
43. Heckman J. (2013). The Economics of Inequality and Human Development. Building a Legal Framework for Public Policies for Early Childhood, Brasilia, Brasil. URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://hceconomics.uchicago.edu/sites/default/files/pdf/events/Inequality-Hum-Dev_Brasilia%20 (1).pdf].
44. Moscati I. (2016). How economists came to accept expected utility theory: the case of Samuelson and Savage. Journal of Economic Perspectives. Vol. 30, No. 2, pp. 219–236.
45. Witztum A. (2019). The Betrayal of Liberal Economics. Palgrave Macmillan, Cham.

Human potential: optics of economics

Maria S. SUSHENTSOVA
Candidate of Economics, senior Lecturer, Faculty of Economic Sciences, Department of Theoretical Economics, HSE, 109028, Russian Federation, Moscow, AUK «Pokrovsky Boulevard», Pokrovsky boulevard, 11.
Researcher ID: M-1373–2015, ORCID ID: 0000-0003-0463-9859. E-mail: msushentsova@hse.ru

Vasily A. ANIKIN
Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Social Policy, Center for Stratification Studies.
Associate Professor, Faculty of Social Sciences, Department of Ecology, HSE, 109074, Russian Federation, Moscow, Slavyanskaya pl., 4, p. 2. Researcher ID: G7070-2015, ORCID ID: 0000-0002-2316-4628. E-mail: vanikin@hse.ru

ABSTRACT The work is devoted to the genesis of the concept of human potential in economics. It is shown how the modern economy came to the concept of human potential and the related concept of human development and modern interpretation. It is considered how, thanks to the works of Nobel laureate Amartya Sen, the economy has moved from the theory of utility to the theory of human capabilities. The understanding of human potential in the context of opportunities has long remained dominant and is now considered classical. However, thanks to the work of another Nobel laureate James Heckman, human potential has been associated since the mid-2000s with the development of a person's «inner abilities», activation of the activity aspects of his personality, agency and independence. This paper also distinguishes between such important concepts for the economy as well-being, happiness, opportunities and abilities.

KEYWORDS Human potential, personality, economy, well-being, agency.

